

ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ КАЧЕСТВ РЕЧИ

У статті здійснено аналіз комунікативних якостей мовлення з метою термінування ефекту на адресата. Природу ефективної комунікації розглянуто в аспектах сприйняття і розуміння мовлення.

Ключові слова: *сприйняття, розуміння, ефективна комунікація, семантика повідомлення/тексту.*

Статья представляет собой анализ коммуникативных качеств речи с целью терминования эффекта на адресата. Природа эффективной коммуникации рассматривается в аспектах восприятия и понимания речи.

Ключевые слова: *восприятие, понимание, эффективная коммуникация, семантика сообщения/текста.*

The article represents the analysis of communicative qualities of speech. The analysis aims at naming the effect upon the addressee. The nature of effective communication is considered in the aspects of perception and understanding of speech.

Key words: *perception, understanding, effective communication, text/message semantics.*

В своей статье «Семантико-прагматические показатели эффективной коммуникации», опубликованной в сборнике «Мова і культура» за 2011 год, мы поспешили сделать ряд выводов относительно терминования коммуникативных качеств речи, ориентированных на эффект на адресата [1: 5–10]. Поэтому непосредственная задача данной статьи заключается в том, чтобы пересмотреть наши предыдущие умозаключения.

Начнем с того, что история системного изучения проблем эффективности речи в лингвистике связана с построением теорий восприятия и понимания в психологии и психолингвистике. Соответственно, в нашем случае – при изучении семантики полученного сообщения – основными пропедевтическими категориями выступают восприятие и понимание как внутренние механизмы речевой организации человека.

Не будем подробно рассматривать эти категории, так как в данном случае они не представляют для нас особого интереса. Заметим лишь, что в психолингвистике в силу своей скоротечности и переплетенности между собой они полностью отождествляются, поскольку образуют как бы единый процесс «перцептивно-мыслительно-мнемической деятельности» [2: 309, 297–298], происходящий в режиме ‘реального времени’: адресат, действует синхронно с адресантом, «а не ждет конца отрезка речи, чтобы истолковать его через соразмерный промежуток времени, подобно критику, пишущему рецензию на книгу» [3: 185]. Этот процесс И.А. Зимняя предлагает называть смысловым восприятием [2: 297–298]. Факт отсутствия между восприятием и пониманием принципиальных различий на уровне переработки информации делает концепцию И.А. Зимней весьма популярной в психолингвистике и, соответственно, удобной для проведения исследований.

Однако вопрос о роли восприятия и понимания при обосновании эффективности речевого воздействия ставит эти категории в ряд прагмасемантических и требует их четкой дифференциации. Такое положение объяснимо, так как необходимость построения интерпретационных моделей семантики полученного сообщения в рамках эффективности речевого воздействия вызывает отчасти трудности непосредственного применения психолингвистических теорий, ограниченных исследованиями только внутренних, речемыслительных механизмов сознания, формирующих, однако, инвариантное основание для такого построения в виде психологических категорий, связанных с передачей смысловых отношений, возникающих в социальной практике общения. Так, в области автоматического распознавания речи, физиологии речи, нейролингвистике и фонологии восприятие и понимание рассматриваются как последовательные, переходящие друг в друга процессы переработки информации, где восприятие представляет собой начальный этап семантизации перерабатываемого сообщения, протекающий на сенсорном уровне, а понимание – конечный этап семантизации, протекающий на уровнях мышления и памяти. Что касается прагмалингвистических и семантических изысканий, то они предпочитают не выходить за рамки привычных психолингвистических постулатов, отождествляющих восприятие и понимание, хотя и отмечают опосредованность последних экстра- и паралингвистическими факторами, содействующими эффективному исходу коммуникации. Признавая безусловную полезность этих работ, мы, со своей стороны, при ориентации на эффект на адресата обязаны расценивать восприятие и понимание как последовательные интерактивные процедуры, обуславливающие определенную степень результативности речевого взаимодействия.

Обзор литературы также показывает, что изучение проблем результативности речи ставит на повестку дня вопрос о терминировании исхода коммуникативного взаимодействия. В литературе по риторике и прагмалингвистике настойчиво подчеркивается факт синонимичности терминов ‘эффективная коммуникация’, ‘успешная коммуникация’, ‘оптимальная коммуникация’, ‘адекватное восприятие’, ‘правильное понимание’, ‘взаимопонимание’ как понятий, символизирующих положительный исход речевого общения, в смысле – не приводящий к дисгармонии в общении [4], или ‘гладкий’, ‘успешный’, по Дж. Л. Остину [5: 32]. Конечно, на первый взгляд, эти термины синонимичны, поскольку символизируют положительную действенность коммуникации, а точнее, эксплицируют ненепрерывные усилия говорящего, направленные на достижение поставленной цели. А экспликацию целодостижения мы извлекаем именно из речевого или постречевого поведения слушающего. Например, изложив свою мысль, говорящий спрашивает: «Ты понял меня?» Слушающий отвечает: «Да, понял». На этом интеракция закончилась. Здесь сложно сказать, будет ли материализовано ответное понимание, т.е. слушающий сделает то, что от него требовалось, или нет. А если слушающий, ответив «Да, понял», далее демонстрирует ответное понимание вербально «Ясно. Ты хочешь, чтобы я открыл дверь, написал письмо и т.д.» и поствербально – идет и открывает дверь, пишет письмо и т.д., то здесь имеет смысл утверждать, что речевое или постречевое поведение слушающего позволяет приписывать итогу коммуникации то или иное качество. При этом не следует упускать из вида и сам фактор говорящего, который как внешний мотив, формируя интенциональное состояние слушающего, обуславливает его речевое или постречевое поведение. Например, реакция слушающего во многом определяется

воспринимаемой паразыковой информацией о говорящем. В нашем примере слушающий, ответив «Да, понял», может про себя думать: «Говорящий, я прекрасно понимаю твои слова, однако не обещаю или отказываюсь выполнить то, что ты хочешь, потому что ты для меня не авторитет, ты плохо одет, ты женщина, мне нравится твоя прическа и т.д.» и, соответственно, может проявить либо ожидаемое ответное понимание, либо совсем обратное.

Таким образом, из нашего изложения очевидно, что для начала исследователям следует отличать описание качества речи, оцениваемого после исхода коммуникации, от описания качества работы внутренних механизмов организации речи – восприятия и понимания, оцениваемого до и во время коммуникации. Поэтому возникает вопрос: действительность какой фазы коммуникации в отношении получения сообщения изучается? Довербальной (уровня восприятия), вербальной (уровня ‘восприятие + понимание = коммуникативная интенция’) или поствербальной (уровня демонстрации понимания)? Постараемся сразу же ответить на свой вопрос: поскольку обзор литературы показывает, что задача терминирования качества коммуникации не ставится исследователями, постольку, наверное, у них нет необходимости оспаривать устоявшиеся в риторике и прагмалингвистике понятия. Хотя могли бы. И мы имеем достаточные основания для упрека. Как показывает проведенный нами опрос¹ 70 информантов (100%) – кандидатов филологических наук, доцентов, разрабатывающих речеведческую проблематику, 89% затруднились ответить, к какой стадии речевого общения следует отнести термины ‘эффективная коммуникация’, ‘успешная коммуникация’, ‘оптимальная коммуникация’, ‘адекватное восприятие’, ‘правильное понимание’, ‘взаимопонимание’, 11% успешно справились с заданием. Получается, что, интуитивно используя данный терминологический аппарат, лингвисты не придают значения той фазе акта коммуникации, которую они изучают, и таким образом, как нам кажется, ставят под сомнение полученные ими результаты.

Таким образом, мы настаиваем на том, что на всех трех стадиях акта коммуникации – довербальном, вербальном и поствербальном – степень результативности общения (либо положительная, либо отрицательная) явно шире положительного исхода коммуникации, который обозначается упомянутыми выше понятиями. Поэтому мы разводим понятия эффективной коммуникации и прочих, указанных выше. Для убедительности воспользуемся словарными дефинициями из толкового словаря С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой, при этом напомним, что *эффективный*, *успешный* и *оптимальный* – это атрибуты коммуникации, т.е. коммуникативные качества речи, а не механизмы речевой организации, к которым относится восприятие и понимание:

эффективный – дающий эффект (во 2 знач.): действие как результат чего-н, следствие чего-н.

успешный – сопровождающийся успехом, удачный

оптимальный – наиболее благоприятный

¹ Опрос на основе методики вычисления семантического дифференциала проводился с мая по октябрь 2011г. на научных конференциях. В нем добровольно приняли участие коллеги из Беларуси, Латвии, Литвы, России, Украины. Цель опроса – определение основных смыслодержущих структур, служащих концептуальной системой, посредством которой происходит восприятие и оценка действительности коммуникации.

адекватное восприятие = *адекватный* – вполне соответствующий, совпадающий
правильное понимание = *правильный* – 3. *верный, соответствующий действительности, такой как должно*

взаимопонимание – *взаимное понимание и согласие* [6].

Как видим, для обозначения исхода общения в поствербальной фазе понятиям *успешная коммуникация* и *оптимальная коммуникация* присуща сема положительности, *эффективной коммуникации* – семы положительности и отрицательности. Для обозначения исхода общения в довербальной и вербальной фазах понятиям *адекватное восприятие, правильное понимание, взаимопонимание*, с одной стороны, также присуща сема положительности (положительного результата/эффекта). К тому же, если вспомнить, что восприятие и понимание – это этапы декодирования и истолкования интенции говорящего (а интенции могут быть не только положительными, но и отрицательными), то в содержание этих понятий можно включить и сему отрицательности как элемент семиотической сопротивляемости слушающего (например, на уровне понимания в конфликтной интеракции говорящий может добиться поставленной цели). Если еще вспомнить, что *адекватное восприятие, правильное понимание, взаимопонимание* – это оценки качества восприятия и понимания сообщения, т.е. оценки результата/эффекта протекания коммуникации в довербальной и вербальной стадиях, то становится очевидным, что лишь *эффективность* и есть, как пишет Л.Ю. Иванов, «интегральное свойство речи, свидетельствующее о том, насколько речь достигла поставленной при ее создании задачи» [7: 789]. Далее, правда, автор этой дефиниции считает, что эффективность в отличие от других коммуникативных качеств речи оценивается после исхода коммуникации. С чем мы не согласны и, на наш взгляд, успешно доказали выше: *эффективность* может употребляться для обозначения исхода общения на любой из его стадий, хотя и *успешность, и оптимальность* также могут оценивать исход коммуникации на любой из ее стадий, но только положительный.

Итак, при оценке коммуникативных качеств речи, мы можем сделать следующий вывод: категория эффективности, представляя собой родовую категорию по отношению к успешности, оптимальности и пр., является наиболее приемлемой для описания коммуникативных качеств речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мартысюк Н.П. Мова і культура (Науковий журнал). Філософія мови і культури. – Вип. 14. – Т. V (151). – К. : Видавничий дім Дмитра Бураго, 2011. – С. 5–10.
2. Зимняя И.А. Лингвопсихология речевой деятельности / И.А. Зимняя. – М. : Московский психолого-социальный институт, Воронеж : НПО «МОДЭК», 2001. – 432 с.
3. Пинкер С. Язык как инстинкт / С. Пинкер ; пер. с англ. и общ. ред. В.Д. Мазо. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 456 с.
4. Третьякова Г.Н. Вариативность в аспекте эффективности коммуникации: Монография / Г.Н. Третьякова – Мн. : МГЛУ, 2003. – 406 с.
5. Остин Дж.Л. Слово как действие / Дж.Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике : сб. ст. / пер. с англ. А.А. Медникова; общ. ред. Б.Ю. Городецкого. – М. : Прогресс, 1986. – Вып. 17 : Теория речевых актов. – С. 22–129.

6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.

7. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова [и др.] – М. : Флинта: Наука, 2003. – 840 с.

УДК 811.112.2'373.23:82-6](045)

*Сарміна Г.Л.
(Київ, Україна)*

**КРИПТОНІМ ЯК ЗАСІБ КОДУВАННЯ МОВНОЇ
ОСОБИСТОСТІ ЗЛОЧИНЦЯ**
(на матеріалі німецькомовних шантажних листів)

Стаття присвячена проблемі функціонування криптонімів в німецькомовних шантажних листах. Визначена роль та розкриті чинники, що обумовлюють принципи і мотиви криптономної номінації, створена типологія криптонімів з огляду на екстралінгвальні чинники становлення самоназв.

Ключові слова: *криптонім, шантажний лист, кримінальна комунікація, приховане ім'я.*

Статья посвящена проблеме функционирования криптонимов в немецкоязычных шантажных письмах. Определена роль и раскрыты факторы, которые обуславливают принципы и мотивы криптономной номинации, создана типология криптонимов с учетом экстралингвальных факторов становления самоназваний.

Ключевые слова: *криптоним, шантажное письмо, криминальная коммуникация, скрытое имя.*

The article is devoted to the problem of cryptonym functioning in German blackmail letters. The role and factors that cause principles and reasons of cryptonym nomination were determined; cryptonym typology with the regard for extra lingual reasons of self-designation formation was created.

Key words: *cryptonym, blackmail letter, criminal communication, hidden name.*

Сучасний етап розвитку мовознавчої науки визначається багатьма напрямками лінгвістичних розвідок, одне з важливих місць в якому посідають дослідження мовних злочинів, що зумовлено невинним процесом зростання інтересу суспільства до них як соціальних явищ.

Феноменологія шантажу полягає в наявності елементів, які постійно зустрічаються в процесі комунікації між злочинцем та жертвою, а їх поява витікає з вимушеної необхідності. Класичний процес шантажу реалізується в письмовій формі, як правило, у формі листа, що обумовлює дослідження епістолярних формул, при чому важливою частиною

© Сарміна Г.Л., 2012